

С. И. БЫСТРОВ.

ПОМОРСКОЕ
СОГЛАСИЕ

В САРАТОВСКОМ КРАЕ

СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ ДО 80-Х Г.Г.
XIX ВЕКА.

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

СОЧИНЕНИЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

1. „По Востоку“, путешествие по Палестине, Египту, Греции; 250 страниц со многими рисунками.
 2. „Историческая переписка“ (истор. очерк).
 3. „На ниве народной“ (рассказ).
 4. „За родину“ (рассказ).
 5. „По скользкому пути“ (рассказ).
 6. „Предания и легенды Востока“.
 7. „Иргизское сиденье“ (исторический очерк).
-

Готовится к печати:

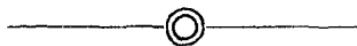
1. „Старообрядцы в Саратове“ (ист. очерк в 6 главах).
 2. „Черемшан“ (скиты на Волге), ист. очерк в 8 главах.
 3. „Старообрядческие духовные стихи, их слагатели и носители“, опыт иссл. в 12 гл.
-

В нашей брошюре „**Поморское Согласие в Саратовском крае**“ получилось досадное упущение: в перечне митериалов (стр. 4) не напечатана (по причине потери) заметка, что к числу истор. митериалов относится так же статья *П. Соколова*, „Поморцы и Федосеевцы в Саратовском крае“, помещенная в журн. „Христианское чтение“ за 1899 г.

A v m o r.

ПОМОРСКОЕ СОГЛАСИЕ

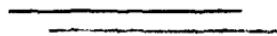
В САРАТОВСКОМ КРАЕ.

(Со второй половины XVII столетия до 80-х годов XIX в.).

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

ИЗДАНИЕ В. З. ЯКСАНОВА
1923 г.
САРАТОВ.

Р. В. Ц. № 1526. Саратов.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вопрос о старообрядчестве и времени его появления в Саратовском крае относится к самым трудным и неудоборешимым, особенно в его хронологической последовательности. Трудность эта заключается в отсутствии необходимого материала, который, по причине гонений на старообрядцев, уничтожался порой беспощадно. Власть зорко следила за каждым движением старообрядцев: арестовывала подозреваемых ею лиц, делала обыски в их домах и молельнях, и все, признанное ею вредным и опасным для устоев «православия», немедленно конфисковывалось. Добытый таким путем материал или уничтожался на месте, или же отправлялся в хранилища и архивы. Для Саратовского края таким образом служил, главным образом, архив духовной консистории, куда складывались не только книги и рукописи, но и вообще церковная утварь, отобранныая у старообрядцев. Архив консистории был в этом отношении особенно богат: там хранилось до 3000 дел по старообрядчеству. Казалось бы что имея в своем распоряжении столь богатый материал, историческая наука могла создать обстоятельную и хронологически последовательную историю Поволжского старообрядчества; однако, на деле вышло иное. Весь этот накопленный материал (или почти весь) навсегда утрачен для науки! Исследователь Саратовского края Н. С. Соколов, констатировавший этот факт, так говорит о гибели этих исторических дел: «Судя по описям, в этом архиве должно быть до 3000 дел, касающихся раскола, но большую половину этой огромной цифры приходится сбросить со счетов, так как, или значащихся по описи дел совсем нет в архиве, или же они имеют своим предметом несложные факты сокращений в раскол и присоединений к православию... В архиве консистории хранятся дела только с 1831 г.; более же ранние все подвергнуты уничтожению по приказанию особой комиссии, работавшей в 60-х годах над разработкой этого архива. Как ни прискорбна сама по себе эта опрометчивость комиссии; с нею можно бы еще мириться, если бы цели были хотя оставленные ею дела. Но нет и этого: наиболее ценные, наиболее интересные раскольнические дела бесследно исчезли из стен архива, наравне со всеми без исключения раскольническими рукописями, оставленными по распоряжению епархиальных властей в этом архиве для хранения. Быть может, они пошли в число тех 5000 дел, которые были выкрадены из Саратовского консисторского архива в 1875 г.» *)

*) Соколов. „Раскол в Саратовском крае“, XVIII.

Немало погибло исторического материала во времена уничтожений старообрядческих скитов, монастырей, когда не в меру ретивые исполнители предписаний «властей» беспощадно предавали все огню и мечу. Документально установлено, что при разгроме одних только Выговских (поморских) скитов, по свидетельству В. Н. Майнова, «было сожжено около 3000 рукописей». *)

Таковы причины отсутствия исторического материала, необходимого для систематической истории старообрядчества. И исследователю, взявшему на себя труд проследить исторический ход событий, приходится оперировать по большей части с отрывочными данными, пополняя последние (где возможно) лишь изустными пересказами старожилов. Если Соколов справедливо жалуется на недостаток материала по исследованию поповщины в Саратовском крае, то по отношению к согласиям беспоповщикам, и в частности к поморству, жалоба эта еще более справедлива. Поповщина, центром коей в Саратовском крае был Иргиз, более привлекала на себя внимание властей; по поводу Иргизских скитов шла обширная переписка между различными правительственные учреждениями, производилась дозапись, писались отчеты и доклады, которые почти все уцелели для истории, являясь если не основным, то полубазовым материалом; тогда как беспоповство стояло в тени в этом отношении. Дальше консистории и губернского правления дела о них редко шли, а если и шли, то в очень ограниченном количестве. В силу этой скудости материала наука весьма мало уделяла внимания историческому исследованию беспоповщинских согласий. Предлагаемый очерк «Поморское согласие в Саратовском крае» и является попыткой ответить этому запросу.

Материалом для своей работы мы привлекаем труды некоторых исследователей, частично уделявших внимание этому вопросу. Вот эти работы: 1) «Отчет графа Стенбока о состоянии раскола в Саратовской губернии по ревизии 1854 г.», 2) «Записка о современном состоянии раскола в Саратовской губ. Артемьева», 3) «Записка по ревизии Саратовской губ. Арсеньева», 4) «Дела секретного комитета», 5) «Записка протоиерея Чернышевского», 6) «Саратовские Епархиальные Ведомости», 7) «Раскол в Саратовском крае» Соколова, 8) «Выписка из архивов Саратовского губернского правления и Саратовской духовной консистории, сделанная членом Сар. уч. арх. ком. Г. Г. Дыбовым», 9) некоторые сообщения журнальных статей и 10) воспоминания старожилов.

Труд наш не претендует на полноту исследования данного вопроса: он, как мы уже и заявили, есть только опыт исторического исследования и, как таковой, далеко не свободен от возможных ошибок и оговорений. Мы поставили своей задачей — суммировать разрозненный материал, привести его в некоторую систему и последовательность и, добавив кое-что неизвестное доселе, дать хронологически последовательную картину развития поморства в Саратовском крае с момента его

) „Историч. Вестник“. 1880 г. № 11, стр. 542.

возникновения и до 80-х годов прошлого XIX столетия. Но скольку нам удалось выполнить эту задачу, судить, конечно, не нам.

Для тех, кто представляет себе недостаточно ясно, что такое «поморство» и каковы его верования, мы скажем здесь два-три слова, воздерживаясь при этом, от каких-либо суждений и выводов.

Поморцы — наименование географическое, указывающее на то, что предки старообрядцев, «не терпя лютых озлоблений Никоновых», бежали в разные отдаленные места и в том числе «в поморье» или «приморье» Белого моря, и там, в дали «ог зоркого оча властей предержащих», устраивали свои жилища. В этих местах, между Северной губою Онежского озера и Онежской губою Белого моря, протекает река Выг, спадающая в Выгозеро. Здесь то в конце XVII века и возникла знаменитая Выговская пустынь поморского согласия, имевшая весьма важное значение в истории старообрядчества.

Верования поморцев сводятся к следующим основным положениям: со временем патриарха Никона в русской церкви наступило царствование антихриста, который не есть определенное лицо, а совокупность нечестия и отступления от истины. А поэтому священство истинное в мире уничтожилось, нет также и причащения тела и крови Христовой; нет и крещения истинного, потому что «еретическое крещение несть крещение, но паче осквернение». В силу этого поморцы — все миряне: герархия у них отсутствует. Богослужение совершается самими мирянами. Предстоятельствуют при богослужениях наставники, избранные из мирян, которые и совершают у них соответствующие трябы: греческое исповедь, молебны при бракосочетании и проч. Всех приходящих к ним в общение они перекрещивают вновь, отсюда их называют иногда «перекрещенцами». Поморство делится на два согласия: поморцев брачных, т. е. принимающих брак и безбрачных или, по имени их первоучителя Феодосия «Феодосиевцев». У первых центром была Выговская пустынь, у вторых Преображенское кладбище в Москве.

* * *

I.

Все исследователи Поволжья, разноглася в частностих, сходятся в главном — во времени раннего появления старообрядцев в Саратовском kraе. Большинство из них относят появление здесь старообрядцев к самому началу «раскола», т. е. ко 2-й половине XVII столетия. Единственно, что не может установить до сего времени историческая наука — это точной даты появления в Саратовском kraе старообрядчества, а также имена лиц, занесших сюда «раскол».

— Нелья указать ни год появления, ни лицо, которое занесло сюда раскол, — говорит протоиерей Чернышевский, — несомненно одно, что он явился здесь очень рано, почти одновременно с другими городами Поволжья. Волга в мутных волнах своих принесла сюда первые зародыши и семена раскола *).

*.) Рапорт прот. Чернышевского еп. Иакову 1839 г

Не менее загадочным является и то факт, что старообрядцы были обнаружены не только в городах, но и селах Новолужьи и притом в самую раннюю пору их существования. В своем описании Камышинского уезда, протоиерей Иван Терновский так говорит об этом: «От Саратова до Царицына нет ни одного села, хутора, где бы жители вместе с вольской водой не всосали в себя и раскол». *)

Откуда же, однако, появилось старообрядчество, и кто был первым пропагандистом его идей в Саратовской крае? Все исследователи, писавшие до сего времени о поволжском старообрядчестве, смотрят на него как на пришлый элемент, появившийся здесь после, и с этой точки зрения пытаются разрешить этот вопрос. Как ни прочио укоренилось это явление в исторической науке, оно, по нашему убеждению, недостаточно основательно и нуждается в некотором пересмотре. В этой плоскости вопрос о времени появления старообрядцев в Поволжье не может быть решен, в чем уже имели случай убедиться все исследователи оного. Единственное решение этого вопроса, по нашему мнению, заключается в признании, что **первоначальные старообрядцы не пришлый элемент, но коренное население, непринявшее реформ Никона.** Ведь, реформы эти, имевшие целью пересоздать строй русской церкви, касались не Москвы только, но «всех Руси» и, как таковые, породили раскол не в одной Москве, но и в очень многих других городах и селах. И вот часть жителей какого-нибудь города или села не приняла этих реформ: не признала их правильными, и через это, по суду церковной власти того времени, стала «раскольническою». Было бы странно думать, что **все** жители Руси единогласно приняли эти реформы, что не было протеста? Напрасно было бы искать «запосителей раскола» в Москву, в Соловки, на Дон. Он появился там, на местах, из тех же самых жителей, не принявших новоисправленных книг, чинов и обрядов. Больше того: последователи старицы не ограничились собственным протестом, они ходили по городам и селам, проповедуя не принимать «новин Никона». Это делал Аввакум, делали его ученики и, нужно сказать, не без пользы для своих убеждений. В Поволжье тоже проникали эти проповедники и проникали в очень раннее время.

Известен случай, что еще в 1661 году в Царицыне поймали черного дьякона Селивестра вместе с чернцом Иосифом и дьячком Алешкой, которые занимались списыванием для гуляющих людей «богоотступных раскольнических писем» **). Это же справедливо и по отношению к Саратову. Возникнув в 1590 г., Саратов со временем раскол русской церкви был уже значительным поселением, и пришедшие сюда указы об изменении церковных чинов и обрядов не могли быть приняты единогласно: несомненно, явились противющие голоса. Допустим, что их было немноко, но все же они были, как были и в других городах и селах тогдашней Руси. Нельзя, конечно, отрицать и того, что печально старообрядцев прибыло в Поволжье из других мест, но это уже позднее, **первоначальные же насыльники явились на местах**, а поэтому искать каких-либо таинственных запосителей раскола в Поволжье — напрасный труд.

*) Сарат. Семин. библ. № 2662, л 191.

**) Дополн. к акт. истор., IV, № 99, стр. 243; ср. Соколова, 15.

Другой, не менее важный вопрос о том, в какой форме возникло здесь старообрядчество, исторической наукой решается пока предположительно. Один из исследователей, Г. Артемьев, настойчиво утверждает, что «раскол явился в Саратове в форме церковщины» **), но никаких положительных данных не приводит. Соколов же, ввиду отсутствия положительных доказательств, оставляет вопрос открытым. Весьма ранние исторические известия о тех и других заставляют предположить, что то и другое согласие явились одновременно, или почти одновременно. Если Артемьев считает первыми старообрядцами Поволжья поповцев, то с одинаковым правом можно сказать это и о беспоповцах, потому что они первые основали свои скиты вблизи Саратова. Об этом, как уже историческом факте, говорит и Соколов:

— Заняв около 1678—1688 г.Г. Баранников и Мячев буераки (близ Саратова),—заявляет он,—раскольники устроили здесь свои скиты и, несмотря на все притеснения саратовской администрации, держались в них до 40-х годов текущего столетия—до самой реформы сенатора Денифера» *). Статистические данные говорят, что насельниками этих скитов были по преимуществу поморцы. По сведениям гр. Чепбока в 1835 году в Мечевом буераке было 41 чел. спасославия и 84 поморца, в Марянино 37 поморцев, в Баранниковом—66 спасовцев и 32 поморца; в 1836 г. в Мечевом—23 спасовца, 76 поморцев; в Марянине—21 поморец, в Баранниковом—39 спасовцев и 24 поморца **).

Преобладание поморства перед другими согласиями беспоповцев историки обясняют усиленной пропагандой их руководителей и особенно жившего в Саратовских пределах Ивана Федорова Ерши (род. в 1695 и умерш. в 1755 г. *). Здесь же подвизался монах Герман, родившийся в 1710 г. и умерший в Соловецком монастыре в 1778 году **).

Многочисленнее других согласий поморство было и в самом Саратове, о чем можно судить по количеству их молелен: в конце XVIII и начале XIX столетия были устроены следующие поморские часовни и молельни: 1) старопоморская—арсеньевская, 2) волковская—новоженов, 3) волковская (песковская)—федосеевская и 4) кабановская, тоже федосеевская ***). Okolo 1812 г. саратовский купец - поморец Иван Васильев Волков женился па дочери некоего воронежского жителя Федора Козлова. По возвращении в Саратов он устроил в своем доме на Валовой улице моленную, определив туда главным наставником своего тестя и вместе с ним усердно пропаганду своего учения ****). Число последователей их увеличилось до того, что на ме-

**) Зап. Артемьева, 66.

*) Лето секр комит XIX, л. 1276.

***) Приложение к „Отчету“. По „записке“ Артемьева, стр. 37—38.

*) Попов Сборник, вып. V.

**) Там же, стр. 97, 99.

***) „Записка“ Артемьева, стр. 36

****) Волковская молельня, построенная И. В. Волковым, сохранилась и поныне под именем Спасо-Преображенского храма поморцев.

своей домашней молельни пришлось построить обширную часовню, которая стала известна потом под именем Волковской. В эту свою часовню Волков дал большой десус и две старинные иконы. Купец Сосновцев пожертвовал 10 тыс. штук кирпича, а некто Афанасий Жижин—1500 руб. Считая все это собственностью храма, жертвователи 20 сентября 1821 г. дали подпись в том, что все пожертвованное офицерами «оставляют бесспорно с тем, чтобы и наследникам никому не вступаться». Попечителем часовни до 1847 г. бессменно состоял Иван Васильевич Волков, ставший потом свою должность Ивану Дмитриеву Ролкову *).

(Удя по Описанию вольковской поморской часовни, составленному в 1834 г. по поручению епископа Иакова, в ней были иконостасы на подобие, как и в православных церквях, с царскими вратами, только без алтаря, без северных и южных врат в нем. Недалеко от правого клироса, в ряд с иконы, стоял аналой, евангелие, недалеко от левого (клироса)—аналой с литым крестом. У самого левого клироса—хоругви. Местные иконы у царских врат—старинной работы, украшены серебряными вещами **).

Ревизовавший эту часовню граф Стенбок так резюмирует свое заключение: «Раскольники смотрят на эту часовню с особым уважением,—молчания в ней дозволены правительству; раскольников за собрания и совершение беззаконных обрядов не преследуют; они с полной свободой могут предаваться здесь всем суевериям (?) и безнравственным привычкам (?), имеющим столь великую прелесть (???) в их глазах. После этого как ожидать, чтобы они покинули свою часовню, отиали о братства?».

Из того же «Отчета» гр. Стенбока видно, что в то время главными лицами при часовне были: 1) купец Леонтий Степанов Финаев, молодой человек, лет 30 и 2) саратовский мещанин Максим Евдокимов Стадорубов, оба попечители». Старостой состоял мещ. Иван Григорьев Давыдов и паставником—крест. с. Адоевцины Н. И. Винокуров, совершающий обряды и требы при часовне. Ревизовавший часовню граф нашел способ применить к ней карательные меры и 2-го июня 1854 г. запечатал ее. Причиной послужила замеченная им «вновь выбеленная печь и вставка новых кирпичей в трубе». Для выяснения этого «преступления» решено было произвести формальное следствие по всем правилам и законам. Из описи запечатанной молельни видно, что в ней было найдено древних церковных книг печатных 33, рукописных—17, образов, писанных на досках, 112, 2 хоругви, свеч и огарков 5 пуд. 12 ф. 100 подручников, 50 лестовок. В списке, хранившемся при часовне, числилось 170 семейств, в количестве 839 душ. Один из прихожан часовни некто Лев Егоров Жижин возбудил было ходатайство пред жандармским полковником Языковым, заявляя, что молитвенный дом, как собственность его отца и сына, принадлежит ему. В доказательство он представил купчую на често, которая была совершена на имя его сына Афанасия

*) „Отчет“ и приложение к нему, гр. Стенбока.

**) Рукоп. Сарат. дух. семинар. № 1, л. 156.

Иванова Жижина. Граф Стенбок писал, однако, что ходатайство не подлежало удовлетворению, потому что в храноданной книге отец просители вместе с дядьями своим Афанасием и Иваном пожертвовали все часовни, заявив, чтобы наследники не вступали в это имущество. Чем закончился этот процесс, с точностью неизвестно.

По временам в Новолыжье наезжали видные деятели по старообрядчеству из других городов и нередко оставались здесь на жительство. К числу таковых принаслежал купец-цвоярин Иван Артемьевич Волков-Песковский, прибывший в Саратов из Балуги. Своими заниями организаторским талантом и умением вести общественные дела, Песковский обратил на себя внимание саратовцев и вскоре был избран городским головом. Современник, хотя и не сторонник его по религиозным бедствиям, ласк о Песковском слегуций отзыв: «Купец-цвоярин и кавалер (ордена св. Троицы) Волков-Песковский служил главной опорой для саратовских поморцев. Он долго служил со славой в должности саратовского городского головы, был украшен многочисленными медалями и пользовался расположением местных властей *). Сблизившись с московским Преображенским клафонищем, как центром, он примкнул к феодосьевскому согласию и тот знаком своего последнего стал проводить религиозные идеи. На его же же по Часовской ул. изнутри старого гостиного двора еще в 1775 году отцом его была построена моленная, теперь же Песковский построил новую обширную, выше двухэтажного каменного здания. Здание строилось, по описанию гр. Стенбока, специально для моленной: восточная стена не имела окон, а этажи никогда не были разделены полом. Вся восточная стена до потолка была занята 5-ярусным иконостасом. К северной и южной стенам приставлены деревянные клиросы. У западной стены для помещения женщин — антресоли, или хоры, под которыми две комнаты: одна назначалась для женщин, другая для передней **). При часовне, как сообщает прот. Чернышевский, — «живо до 50 баб и девок, совершающих богослужение и распространяющих расыль ***).

Епископ Паков, как ревностный искоренитель «раскольников», давно некогда рассматривал на опасного пропагандиста, по авторитету Песковского чешаа ему проявить свою «настырскую» деятельность. Но вот 2-го июня 1839 г. Иван Артемьевич скончался, и Паков немедленно приступил к «делу». Он возбудил энергичное ходатайство о закрытии часовни, как опасного рассадника раскола. Наследники Песковского представили прошёлку, в которой заявляли, что моленная построена 35 лет тому назад, т. е. в 1804 г., а потому, за давностью времени, прошли ее оставить. Несмотря, однако, на все принятые хлопоты, сверху пришло приказание уничтожить моленную, и 16 мая 1840 г. она была запечатаана, иконы и книги переданы в консисторию, а жившие в келиях 18 женщин и 1 мужчина были оставлены при условии, чтобы не увеличивать этого числа ****).

*) Записка прот. Чернышевского.

**) „Отчет“ гр. Стенбока.

** Записка пр. Чернышевского

**** Дело канц. губерн. 1839 г. № 288

Строительство поморских часовеншло почти одновременно в нескольких местах. Помимо Песковской возникла еще молельня, построенная Степаном Яковлевичем Кабановым-Никитиным, на его месте, по Сергиевской ул. *).

Часовня была построена в 1811 году, с разрешения губернатора Панчулидзева **), при которой жило свыше 20 чел. обитателей. От глаз постороннего наблюдателя часовня была скрыта обширным садом, обнесенными высоким тыном. По описи, сохранившейся при делах губернского правления, видно, что часовня была деревянная, построенная на каменном фундаменте; в длину она была 5 саж. 2 арш., в ширину 4 саж., в высину 1 с. 2 арш. По восточной стене внутри устроен иконостас, по сторонам — два клироса и отделение для женщин. Настоятелем часовни был московский мещанин Афанасий Антонов, преклонный старик, которому в 1834 г. было 81 год. Другим наставником был Гавриил Васильев, считавшийся распространителем поморства в Самодурковке, Хвалынского у. ***).

Ставленая грамота, выданная на имя настоятеля Кабановской часовни, свидетельствует о том, что саратовские федосеевские общины были в это время в зависимости от Преображенского кладбища, получая оттуда наставников и певцов, а также покупая богослужебные книги и иконы. Ввиду важности этого документа (ставленой грамоты) как образца духовных отношений «митрополии» к наставникам, позволим себе привести его здесь целиком:

— «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. В правоверия обретающимся братиям нашим о Христе г. Саратова Семену Павловичу, и прочим всем от мала и до велика, о Господе радоватися. Не безызвестно всему роду христианскому, что (два слова неразборчиво) надлежит иметь во всяких местах духовных правителей, послыку и ваны страца, подлежащая здешнему московскому ведомству, кая окормляема была посыпаемым от нас братом Лукою Терентьевичем, иные же за силу надлежащих здесь нужных требуемостей, ечу вас править стадо не в силах, вместо которого общественным советом избралом чужи верна Афанасия Антона, могуща благочестие и порядок правов благих по силе своей править, посыпаем, которому о. духовный, благословляя поручает всякие христианские изъволненные правилами св. отец нужды отправлять, а в недоумительностях относиться здешнему месту, почему имейте его все христианское сословие от чала и до велика себе в настоятеля и окормляяся им здравы будите, аминь. Дано московского Преображенского Богаделенного дома, от храма Успения Божией Матери, за подписанием надлежащих лиц, с приложением того храма печати. Генваря 31 дня, 1831 года ****).

Строитель молельни Кабанов считался опасным соратителем «правоставных» в поморство и за них считалось начинать таковых дела. Особенно скандальное «дело» вышло на этой почве в 1837 г. В интерес-

*) На этом месте теперь дом Рениске, близ триумфальной арки.

**) Дело губ. праил. № 145.

***) Записка Артемьева, стр. 73.

****) 1810 г. Сарат. Епарх. Ведом. 1882 г.

сах «вялишего» уловления старообрядцев в «православие» епископ Иаков учредил в Саратове «общество благочестивых» из лиц, чаиболее преданных «православию». Желая особенно высушиться пред его преосвященством, некоторые члены общества устраивали ловушки для старообрядцев, притворно соглашаясь перейти в старообрядчество. Одною из сачных ревностных была камышинская мещанка Елена Серебрякова *). Попытавшая в этих делах, Серебрякова устроила «ловушку» и Кабанову. Отмечая «подвиг» Серебряковой, Иаков в донесении своем Синоду излагает и сачный факт. «Последняя (т. е. Серебрякова) была многократно склоняема саратовскими поморцами перейти в их ересь и окреститься по их обычаю: притворно согласясь на сие, она донесла о том мне. При содействии полиции поморцы были захвачены совершенно приготовившимися к произведению над Серебряковой обряда перекрещивания. Участников было много». Ввиду этого Иаков ходатайствовал о награждении Серебряковой за изъяснение открытие 100 руб. и Синод 28-го февраля 1838 г. уважил это ходатайство **).

Епископ Иаков не вполне иправильно передает факт обращения Серебряковой в поморство. «Честь» раскрытия этого «преступления» принадлежала не ему, но его благочинному—протоиерою Чернышевскому. Дело было так. Упомянутая Серебрякова пришла к Чернышевскому и заявила, что ее сбивают поморцы перейти в их веру: хотя это и против ее желания, но она уже дала слово, и завтра в 11 час. утра, в саду Кабанова ее будут крестить. Протоиерей Чернышевский немедленно отправился к полицеймейстеру Емельянову и попросил в свое распоряжение наряд полиции. Солдаты были даны, и протоиерей, прихватив с собою двоих иподиаконов и дьячков и несколько человек понятых, отправился в сад Кабанова. «Когда пришли к саду,—рассказывает автор описания—протоиерей с полицейскими стал у ворот, а иподиаконы с понятыми и дьячками со стороны Волги перепрыгнули через забор и спрятались в винограднике. Пристав потребовал отпереть ворота, и все вошли. Б это время из молельни к пруду выходила процесия: женщина, что приходила к протоиерою и двенадцать девок были одеты в белые сорочки, у каждой в руке по свечке. И пои ****) с причтом шел с ними. Всех раскольников закрыли и забрали. Пристав составил акт, и молельню закрыли ***).

В дальнейшем выяснилось, что Серебрякова решилась перекреститься в поморство «по убеждению духовенства, желавшего открыть законопротивные действия поморян *.****)

Как бы там ни было, но «делу» даи был ход, и комитет министров 19-го декабря 1839 г. постановил: Афанасия Антонова сослать в Закавказский край; Кабанова же на 2 недели в тюрьму. Но ввиду преклонности лет Кабанова (70 лет) и болезни приговор о нем все отменялся, а 24-го мая 1843 г. он скончался. Об Антонове же полиция донесла,

*) Соколов. „Раск. в Сарат. кр“ 338—340

**) Собрани. постановл. по части раскола, 1860 л. II. 327—328.

***) Т.-е. наставник.

****) „Русская старина“ № 11, 1912 г.

****) Рукопись Сарат. дух. семин. № 1, л. 168.

что он умер 29 апреля 1840 г. и похоронен в Саратове, на раскольническом кладбище, с разрешения полицеймейстера Бартенева. В 1844 г. из министерства внутренних дел последовал запрос, на каком основании дано разрешение похоронить Антонова?

— «В полученных министерством внутренних дел особых свидетельствах значится, будто донесение полиции губернскому начальству о смерти Антонова последовало неосновательно, и этот раскольник не умер, а выехал из Саратова беспрепятственно».

Подозрение министерства оправдывается: «призведение следствие не только не убеждает в смерти Антонова, но даже наводит сильное сомнение», — заявило в ответ саратовское губернское правление *).

Как ни старалась полиция и особенно духовная власть искоренить «раскол» в Саратове и его пределах, последний рос, точно из земли. И в губернское правление и в синод летели доносы о появлении то гут. то там или «раскольничей» чольни, или скита, или о каком-либо сопровождении. Миссионерские очи зорко следили за всем этим и не скучились на донесения. Так, 13 апреля 1815 года саратовский архиерей Афанасий доносил синоду со слов саратовского благочинного Николая Скопина, что «близ новоустроенного Спасо-Преображенского монастыря, в конце 3 версты, на большой московской дороге, построена раскольническая обитель или убежище для женщин с именемой от них чольной, в народе купленным для сего саду. Строители сей обители суть поморской или перекрецеванской секты, для коей она устроена в последнее время. Хотя же гласно не об'являют, кто они таковы, однако по замечанию более в сем участвуют саратовские купцы Семен Прядильников и Иван Волков. Последнего благочинный много спрашивал, с чьего позволения они то делают и получил ответ, что по примеру заведенных в Москве и Астрахани старообрядческих богаделен».

Запрошенный по этому делу саратовский губернатор отвечал, что в Саратове есть 3 раскольнические обители для пристройки престарелых: 1) в 3 верстах от города, по Астраханской дороге, существует около 60 лет; 2) устроенная еще раньше, в 4 верстах, по Московскому тракту, в Мечевом буераке, в 2 верстах от Спасо-Преображенского монастыря и 3) в селе Волкова, в 2 верстах от Мечевого буерака, заведена с давних лет, а богадельня и молельня устроена в 1811 г.».

Комитет министров 22 декабря 1817 г. постановил: «Прекратить пронесходящий по сей части беспорядок от невнимательности губернского начальства к предписаниям высшего правительства, а потому и сделать от сената выговор бывшему саратовскому губернатору **).

После этого было решено обратить должное внимание на саратовские буераки, где свили себе прочие гнездо поморские отпетельники. Буераки эти заселялись свободно и из этих вольных поселений образовались целые поселки. Местные власти знали, конечно, о существовании этих скитов, но не обращали на них особенного внимания, и только после упомянутого внушиения министерства решили начать приступить на то-

* Дело губ. правл. 1844 г. № 64.

** Дело синода 1815 г. № 364.

ло. За это взялся новый заместитель губернатора кн. Голицыц. В 1827 году он произвел секретный обыск в буераках и нашел в Баранниковом буераке 76 келий, из которых 42 построены 10 сентября 1822 г., а 34—после в них живет 106 чел. В Мечевом—83 келии с 116 чел. обитателей: в Несковском—11 келии, с проживающими в них 37 чел. Большинство проживающих в буераках принадлежат к поморскому и спасу согласиям¹.

Сюда же обратил свои взоры и епископ Паков. Он проектировал переселить обитателей буераков в город, но губернатор Степанов отклонила это предложение. Не успокоившись этим, Паков предлагал построить в буераках православную церковь и поручить надзор за проживающими там старообрядцами «православным» надзирателям. Заменивший Степанова Бийников дал на это согласие и предписал полицеймейстеру Дементьеву назначить таких надзирателей². Кроме того, в буераках поселился, по настоянию Пакова, миссионер-перемонах Палладий, который постоянно доносил ему о всех событиях в скитах и своей деятельности там. Но решительный царь скитам нанес сенатор Денфер, ревизовавший Саратовскую губернию в 40-х годах. Ознакомившись с положением дела и теми мероприятиями, которые проводились честными властями, Денфер написал, что надзора за этими буераками быть не может, и что поэтому нужно совершение упразднить их³. Учение сенатора было признано целесообразным, и полиции предписано действовать в этом направлении. Несколько ретиво последняя действовала, можно судить по тому, что спустя с небольшим 3 года, а именно, 15 ноября 1841 г. саратовская полиция доносила, что в Баранниковом и Мечевом буераках кельи все сломаны и осталось только два молитвенных дома. Позднее и их постигла та же участь. Из журнала губернского правления 28 марта 1845 г. видно, что оставшиеся молитвенные дома проданы на слом православным и деньги отосланы в приказ общественного призрения, а келии, как в двух первых, так и в Марьяном буераке все снесены⁴.

Таким образом, 1845 год может считаться годом упразднения саратовских скитов. Это не были известные центры старообрядческого пустынножительства, как Выг, Керженец, Прегиз, не блестали роскошью церковных украшений, не славились просветительскою деятельностью, но все же служили убежищем от мирской суеты, тихой пристанью, где находили душевное утешение многие, ищащие «града грядущего», для которых «эти пустыни» составили все, что есть ценнего в этом мире... Вполне естественно, что намять старожилов хранит еще о них свои предания, и седовласые старцы, проходя этими уроцищами, указывают места бывших поселений отшельников, рассказывая о них много поучительного и занимательного, а подчас и легендарного...

Ношу чю были закрыты волковская и кабачовская часовни, которые столько времени смущали покой епископа Иакова. Погода сущийное явление, ничего опасного со стороны старообрядцев для «православия

¹) Дело секрет. комит. т. III, стр. 530—531.

²) Дело канц. губерн. 1835 г. № 2.

³) Дело секрет. комит. т. XII л. 1277.

⁴) Приложение к «Огчету» гр. Стенбока.

не представляющее, поднимало и духовенство и полицию на ноги и заставляло бить шумную тревогу. Такое явление мы наблюдаем в 1843 г. Один из священников саратовских церквей, повидимому, Ильинской, некто М. Воронцов, доносил Иакову, что с недавнего времени в эту часть города за Ильинским мостом, особенно начали переселяться раскольники поморской секты, ставя свои кельи при домах таких же раскольников, так что в конце прошлого года их оказалось мужчин—36, женщин—56 душ, тогда как в 1834 г. их было мужчин—16, женщин—14. Такое умножение их в одном околотке должно быть не без цели Шапошниковы, Жиганы и Кабановы между собою родные и, как ревнители раскола, особенно покровительствуют поселившимся здесь раскольникам, питая их праздности и леность» *).

Что ответил Паков на это донесение и какие меры предпринял против надвигавшейся «опасности», не известно, но позднее, а именно в 1856 г. было издано специальное постановление на предмет причисления старообрядцев к тому или иному сословию в городе. Причиной издания этого постановления послужило ходатайство 45 семей поморцев вольноотпущеных, пожелавших причислиться к саратовскому мещанскому обществу. В ответ на это ходатайство последовало следующее решение, помеченное 9 июля 1856 г.: «По доведении, особо установленным порядком, до сведения государя императора ходатайства проживающих в Саратове 45 семей вольноотпущеных раскольников поморской секты о причислении их к тамошнему мещанскому обществу и представлении по сему предмету начальнику саратовской губернии, его величество повелеть соизволил: «Разрешить причисление вышеназванных просителей к саратовскому мещанскому обществу, обложив их окладом податных платежей со времени 9 переписи, а общественных со дня причисления, и так как из числа просителей некоторые, по отзыву начальника губернии, известны за особенных приверженцев раскола, то учредить для действиями их строгий надзор со стороны полиции с тем, что если надзором сим будет обнаружено действительно вредное влияние сих лиц на укоренение или распространение раскольнических заблуждений, то с ними поступить по всей строгости законов. Причем его величеству благоугодно было повелеть об'явить всем означенным раскольникам, что они нечеловечно будут выселены из Саратова, если станут распространять свою ересь или оказывать соблазн для православных» **).

Никаких «ересей», ни «соблазнов» поморцы, повидимому, не оказывали, так как никаких судебных процессов за это время за ними не числилось.

II

Вопрос о появлении поморцев в уездах Саратовской губернии не менее темен и паясен для исторической науки, чем изначальное появление

* Дело дух. комит 1843 г № 835, л. 1.

** „Собрание постановлений“, стр. 441.

ние их в Саратовском крае. И это по тому же неверночу исторический взгляду на старообрядчество, как на прицельный элемент. Следуя своему изъяню, мы утверждаем, что старообрядцы и в селах появились из местных жителей в момент раскола церкви при Никоне. В тех же селах и деревнях, как возникли после 1667 г. времени окончательного осуждения старообрядцев, поморство распространялось частью из Саратова, частью из соседних мест, где цифровых данных на этот счет представить невозможно, за отсутствием необходимого материала, но по ходу расселения старообрядцев по селам саратовской губернии можно судить, что это было именно так, а не иначе. В последнем случае мы вполне разделяем тот взгляд, который господствует в исторической науке и представители коего являются наиболее видные исследователи Саратовского края. Большинство из них полагают, что поморство распространялось по уездам из Саратова, начиная с ближайших уездов. И так как руководители поморства всегда стремились к пропаганде своего вероучения, то естественно, что поморское согласие с течением времени значительно увеличивалось в своей численности. Черту проповедничества в поморстве подметил еще Арсеньев, который в своей «Записке» так говорит об этом: «Прозелитизм составляет отличительную черту в характере сектантства, особенно поморства; лжеучители, которых между ними особенно много, ставят своей исключительной задачей распространение и поддержание раскола» *). И вот мы видим, как одна за другой возникают поморские моленные в более известных селах саратовского уезда: в Ключах, в Базарном-Карабулаке, в Чертанье **). Из «Отчета» гр. Стенбока видно, что в Ключах поморско-федосеевская секта существует с 1830 г., хотя честные жители считают более раннее время. Моленная,—продолжает Стенбок,—находится при доме кр. Сидора Зайкина, главного ее попечителя, в отдельном деревянном строении, в котором могут поместиться до 100 человек. В нем устроено две комнаты, разделенные сенями: одна для мужчин, другая для женщин. Строение, повидимому, крепкое, но может еще долго продержаться, если принять в соображение, как ловко учат их чинить их раскольники: ветхий, гнилой лес они замениют старым, но прочным, которого от прежнего отличить нельзя» ***).

Из сел Камышинского уезда, отличающимися наибольшим развитием поморства, является с. Золотое. Возникновение его здесь относится ко 2-й половине XVIII столетия, хотя наибольшее развитие приурочивается к более позднему времени, а именно к 1814—1819 гг. Причину этого явления видят частью в усиленной пропаганде, частью в уничтожении скитов и часовен, частью же в усиленной строгости против беглых попов. Так ли это в действительности, трудно судить за отсутствием данных. Факт, однако, остается фактом. Золотое действительно является одним из видных пунктов населения поморства. Насадителем бесправства, первым брошившим семена этого учения на златовскую почву, считают одного торговца иконами, выходца из Атагарека (предание не сохранило его имени). Ловкий, начитанный, зна-

*) „Записка“ Артемьева; дела секрет. ком г № XIV, стр 1530.

**) „Записка“ Артемьева, стр. 32, 38.

**) „Отчет“ гр. Стенбока.

ший хорошо крюковое пение, этот своеобразный начегчик быстро нашел себе последователей, из коих составил потом довольно значительную поморскую общину. На него, наконец, было обращено внимание властей, и последний скрылся, как полагают, около 1820 г. Чужими пропагандистами беспоповщических идей (как это ни странно) были священник с. Золотого, о. Благовидов. Происходивший из старообрядческой семьи и унаследовав ее убеждения, он и под рябой одеждой, сохранил свой взгляды. На него искали жалобы, доносы, нередко запрещали от священнослужения, а в 1828 году о нем началась официальная переписка, как об опасном агитаторе «раскольничих» идей. Испомог на все это, о. Благовидов продолжал терзаться своим воззрением и неизменно говорить крестьянам: «Ныне каждый сам себя знает, сама себя овца паси, как знаешь, ибо вер сгодъко, что спасение незвестно где и найти».

Подобное отношение о.Благовидова к старообрядчеству снискало ему уважение сих последних, а горение властей возвысило его авторитет в глазах всего населения села. Ревностным последователем о Благовидова оказался и его зять, Федор Золотарев, бывший священником с 1804 по 1818 г.г. Корни беспоповщины так глубоко сидели в сознании всего рода Благовидова что как его семья, так и семья его зятя жили и померли в поморстве.

Невдалеке способствовало распространению поморства в с. Золотом пьяная и безнравственная жизнь местного духовенства. Из «Легенды золотовской церкви» видны возмутительные случаи поведения причта еще в 30-х годах прошлого столетия. Так, например, «обхожая приходит со святой водой, священники ругались и дрались между собой, или напивались в кабаке до бесчувствия и возили на спине кого-нибудь из крестьян по улице, при всей публике. Нередко в пьяном виде, в полном облачении вмешивались в пародные толпы, снимали с себя ризы, позволяли любому кощуннику надевать их на себя и весело радостно излязть из них. Это делалось в самом Золотом, на глазах у начальства, что же бывало в отдаленных деревнях «не леть есть и глаголати!» »)

Недостаточность документальных данных не позволяет хронологически проследить историю развития поморства в Золотом. Известно лишь, что в 1884 г. золотовские поморцы подали в министерство внутренних дел прошение о разрешении постройки новой молельни и об освобождении от обложеия на поддержание местного «православного» храма. Министерство навело справку и оказалось, что молельня у них нестроена в 1878 г., и они ходатайствуют не о постройке новой, а лишь о подтверждении существующей. Ходатайство было отклонено^{**}). Но в 1885 г. саратовская консистория, извещая губернскоеправление о самовольной постройке золотовцами поморцами молельни, представила, в подтверждение, акт станового пристава, требуя этим чтобыправление возбудило «дело», но последнее ответило неопределенно. И дело как то затихло.

*) «Легенда золот. церкви» Сарат. истор. архив, карта а
**) Дело губ. правления 1884 г. № 158.

В самом Камышине, судя по метрическим книям Дмитриевского прихода, появление поморцев относится к самому началу XIX столетия, а именно к 1804 г. Первоначальными поморцами номечено семейство купца Софрана Лазарева, который прибыл из-под Москвы и поселился первоначально в с. Серино, Камышинского уезда. Сначала он был «православным», но познакомившись с знаменитым поморским начетчиком Герасимом, жившим в д. Пряхине, присоединился к поморству и перешел жить в Камышин, приславший в купеческое сословие *). Отсюда поморство перешло в соседнюю деревню Суворову, где вскоре (в 1825 г.) возникла часовня (новоженов). На почве построения поморской часовни без разрешения возникло еще «дело» в с. Меловочи Камышинского уезда. Консистория, узнавшая об этом, сообщила губернатору правительству, прося о закрытии молельни и привлечении виновных к ответственности. Камышинскому исправнику было предписано запечатать молельню и произвести дознание. Меловцы обратились было с ходатайством о распечатании, но прошение, не по форме составленное и неоплаченное гербовым сбором, было возвращено просителям **). Таже участь постигла поморцев с. Шилова, которые просили разрешение устроить моленную в доме одного из прихожан ***).

Вверх по Волге поморство первоначально осело в соседнем от Саратова уезде Вольском. Самый город Волжск с момента своего возникновения был городом старообрядческим. С одной стороны поповщина с ее монастырями на Иргизе; с другой беспоповство, среди коего преобладало поморство, благодаря его наибольшей устойчивости и организации, свили здесь прочное гнездо. В 80-х годах прошлого столетия на стороне поморства стояли здесь видные купцы—Рошковы, Невитовы, Галкины, Будниковы, Синицыны и др., которые группировали вокруг себя мещанско и крестьянское население своих последователей. Со стороны поморцев здесь были представители обоих его течений—брачников и безбрачников (или федосеевцев). Молельни их, сначала простые молитвенные дома, почещались—одна у мещанина Лущникова, другая—у вдовы мещанки Дарьи Иваиной, хотя купечество имело молельни в своих домах и редко бывали в общих молельнях ****). Официальный орган духовной власти «Саратовские Епархиальные Ведомости», дает следующую характеристику вольскому поморству: «В поморстве вольского уезда не замечается чисто федосеевское согласие по польскому уставу, но везде более известно даниловское или выговское согласие. Честное поморство, до крайности извернное по своим убеждениям, строгое по жизни, особенно в среде стариков-отцов, питает свои верования бо́льше сочинениями своих поморских наставников, в роде Денисовых, разными цветниками и сборниками, к писанию же божественному и отеческому прибегает только по нужде, для обороны от нападений православных.

Флегматов. „Ист. записка о местном расколе в г. Камышине“, „Сар. Епарх. Вед.“ 1876 г. № 24.

Дело губ. правл. 1885 г. № 143.

*) Там же, 1886 г. № 35.

† „Сар. Епарх. Вед.“ 1882 г. № 20.

погая всякое писание «старинное» одного достоинства, от единого Св. Духа *).

В Вольском уезде поморство появилось ранее других уездов Саратовской губернии. Родиной его является с. Воскресенское. Появление его здесь относится ко 2-й половине XVII века, т. е. к самому началу раскола русской церкви; возможно, что первые основатели Воскресенского скита на берегу Волги—старообрядцы—не приплыл элемент, но коренные жители, поселившиеся здесь еще до начала раскола. В 40-х годах прошлого столетия, как сообщают «Саратовские Епархиальные Ведомости», в пересекающих село оврагах, было до 40 раскольнических келий, где жили старообрядцы разных согласий **). Крае Воскресенска и его окрестностей, поморцы были обнаружены в с. Юловке, в Барнуковке и Труевой Мазе ***). Открывая честно поселений старообрядцев, власть духовная тотчас же принимала против них соответствующие меры, ограждая своих чад от уклонений в «раскол». Так, в 1828 г. епископ Ириней просил губернатора произвести следствие «распространении по Балтаю, Вольского уезда, секты поморцев и гнасовцев. Руководителем поморцев выставлялся кр. Афанасий Ерофеев, который сорвался в Балтае до 36 чел. Об этом Ерофееве духовенство заявляло, что он способен сорвать в поморство все село. На представление губернатора комитет министров 1-го октября 1829 г. постановил сослать Ерофеева из поселения в Сибирь, а сорванных им в недавнее время 23 человека отправить в консисторию на увещание ****).

Для характеристики увещаний и роли увещателей позволим себе привести здесь отзывы очевидцев, наглядно рисующих это бессмысленное явление.

— «Целыми толпами пригоняли их (старообрядцев) в Саратов для увещания,—рассказывает очевидец-современник.—и здесь они подвергались разным мытарствам: по целым неделям ходили они в консисторию, чтобы им назначали увещание. Увещатели обращались с ними грубо; вместо увещания и бесед, держали у себя по целым неделям, иногда в самую страдную пору, желая этим вынудить их обращение в православие, а некоторые употребляли для своих работ. Иногда увещателями назначались из учителей семинарии, живших в саюом здании ее, и тогда семинаристы любовались, как человек тридцать просят увещателя отпустить их доной. На вопрос увещателя: «обратятся ли они в православие?» раскольники обыкновенно отвечали: «в какой вере жили наши отцы и прадеды, в такой и мы будем жить. Пощади, корчилен!».

— Ну, вас к!—говорил увещатель и уходил. («Вестник Европы», 1908 г., июнь, №6—7—8, ст. Ветринского. «Ранние годы И. Г. Чернышевского»).

Наибольшее количество «дел» по старообрядчеству в Саратовской крае падает на 30-е и 40-е годы: ими изобилуют и губернские и уездные архивы, не говоря уже о консисторских. Причиною этого исключи-

*). Сарат. Епарх Ведом. 1882 г. № 21.

**). Сарат. Епарх. Вед. 1879 г. № 231.

***). Сарат. ист. арх. I, A. № 10.

****). Дело Вольского уездного суда 1826 г. № 56

тельного явления служил епископ Иаков, ревностнейший «искоренитель раскола». Он не упускал ни одного самого незначительного случая, чтобы не реагировать на него в той или иной степени. Хотя его в это время занимала большая поповщина с ея Иргизом, но и беспоповству он уделял свое внимание. Его агенты и благочинные постоянно доносили ему о «раскольничих» делах, и он немедленно принимал «черы». Доносил ему благочинный с. Донгуза, Архангельский, что «двоих раскольников с Балтая свели своих детей на купожительство с односектантами из Базарного-Карабулака, и Иаков добивается развода брака, причем комитет министров 26 сентября 1844 г. постановил: предоставить епархиальному начальству винить Гаврилову и Алексееву (внешникам брака) о необходимости освятить боязтие венчанием, а в случае безуспешности увещания выдержать в тюрьме по 3 дня каждого *).

Иногда в последнем донесении перепутывались даже факты, но это не удержало Иакова от дальнейших выступлений. Так 14-го марта 1844 г. Иаков доносит губернатору, что в с. Синодском распространяется поморство из дер. Ключей (тогда как поморство появилось в Синодском гораздо раньше, а именно в 1812 г.). Уездный суд постановил: 9 чел. подсудимых отдать в солдаты в кавказский корпус, 9 негодных к военной службе и женщины сослать в Закавказье. Но комитет министров счагчил этот приговор, постановив: 8 человек выдержать в тюрьме по 2 недели каждого и оставить на месте жительства **). Нечто подобное произошло в с. Балтае в 1844 г. Крестьянин этого села, поморец, Андрей Игнатьев, задумав жениться, подал в губернское правление прошение, в котором заявляет, что честное начальство препятствует ему вступить в брак по обрядам своего вероучения. Правление запросило исправника, что не имеется ли за Игнатьевым других каких-либо причин, препятствующих браку. Исправник подтвердил, что нет и получил предписание не препятствовать браку Игнатьена. Узнав об этом, Иаков пишет донесение губернатору на исправника Безобразова, что «следует повторить «раскол», чем усиливает «холодность к церкви» между балтайскими православными прихожанами. На запрос губернатора исправник отвечает, что Игнатьев ничего без дозволения не сделал, и он, Безобразов, исполнил только указ губернского правления. «Холодность» же прихожан стоит в связи не с этим браком, а с редкой службой духовенства в Балтае и с дурной правдивостью этого духовенства. Иаков пожал все пружины, чтобы «насолить» исправнику за столъ не лестный отзыв о духовенстве, и вот губернатор предписывает вольскому уездному судье Васильеву произвести следствие по этому делу. Дело кончилось 16-го ноября 1848 г. постановлением комитета министров: Старика-отца Игнатьева заключить на 1 мес. в тюрьму, за воспитание в расколе своих детей, крещенных в церкви: чадовых — увещевать в консистория, а о Безобразове разобрать честному начальству ***). Кроме поименованных сел, поморцы находились и в других селах Вольского уезда, как-то в с. Дон-

*.) Дело Вольского уездного суда 1840 г. № 244.

**) Дело Вольск. уездн. суда 1844 г. № 335.

***) Дело Вольск. уездн. суда 1846 г. № 397.

губ. в Большой Чернавке, Барановке, Рыбноч, Годячке, в дер. Позднечасове (жителей 761 и почти все поморцы) и в Сосновке. Главарем поморцев здесь был в 1880 годах крестьянин Двоенов, у которого находилась тайная молельня и здесь же собирались читать старинные книги^{**}).

Но особенно сильно развились поморство в Хвалынском уезде. В самом Хвалынске оно не так значительно, хотя официальные сведения о нем довольно ранни. В истории хвалынского поморства данные относятся к началу XIX столетия, а именно к 1826 году. В этом году, 19-го октября, саратовский епископ Ириней доносил синоду, что в Хвалынске пропагандируют «раскол» двое лиц—купец Федор Челищев и мещанин Алексей Кожевников. Названные лица совратили от «православия» в «раскол» 26 семейств. Увещание священников Михаила Копьева и Андрея Крепкогорского не имели успеха, и Ириней просил губернатора привлечь названных лиц к ответственности^{***}).

Ядром поморства в Хвалынском уезде является с. Самодуровка, стяжавшая большую известность в судебном мире, благодаря множеству доносов духовенства и судебных «дел». Возникновение поморства в этом селе относится ко времени его заселения, т. е. к 30-м годам прошлого столетия. Первыми пасельниками считаются выходцы из Запорожья, Московской губернии и Егорьевска, Рязанской, которые, будучи поморцами, привнесли сюда свое учение. Кроме того, наезжавшие сюда продавцы икон из Поморья содействовали еще большему укоренению поморского учения в крае. Из числа последних особенное влияние оказывал некий Иван Петров. Приезжая в село, он начинал свою проповедь с утверждения на последние времена, на пришествие антихриста: «Напрасно,— говорил он,— ходите вы в церкви; там нет ни одной иконы, какие есть у нас в Поморье; в церкви—табашники, бритоусы, щепотники, а всяк, прикасаясь им, сообщается и делом их: там всюду—зитихристова нечисть». Уезжая из Самодуровки, Иван Петров передал свое право наставничества крестьянину Алексею Петрову, или Алитопию, как переименовал его Иван Петров, давший ему иноческую кличку^{****}).

Антоний жил по иночески, в келье и стяжал среди своих последователей большое уважение. В 1839-году совершил ими треб в Самодуровке были Афанасий Сычев и Поликарп Ефимов^{*****}). За эти годы доносителем в синод о самодуровских поморцах был епископ Ириней, от которого почти регулярно поступали эти доносы. Одно из первых донесений было 8 мая 1827 г. Здесь Ириней писал в синод, что в приходе с. Самодуровки, состоявшем из 840 муж. рев. душ, до 1826 г. было раскольничков поповцев 18 душ, а прочие хотя духовенство принимали, но втайне содержали раскол и поморские секты: в 1826 г. они, в числе 300 душ явили обнаружили себя поморцами, по совращению экономического крестьянина того села Афанасия Иванова Сычева и приезжающих из Поморья старцев: впрочем, ротильницы их принимают очистительные молитвы

^{*)} „Сарат. Губ. Ведом.“ 1879 г. № 198

^{**) Дело синода 1824 г. № 764, л. 21.}

^{***) Рукопись Сарат. дух. семинарии № 1, л. 150- 152.}

^{****) Рукоп. Нижегор. дух. семин. № 3774.}

от приходского священника, а некоторые и крещение младенцев, прочих же крестят Сычев и поморские старцы. Браки совершают вообще все в церкви, покаяния не приемлют; мертвые тела погребают без священника, на особом от кладбища месте: имеют две моленные, в коих Сычев и другой, неизвестный по имени, приехавший с ним из Саратова раскольник-старец отправляют службы-всенощные, часы и др. молитвословия, чем самым равно и ажеучением своим прельстил и прочих села того жителей, так что в нынешнем году уклонилось в поморскую секту почти все село и осталось в православии не более 100 душ *).

Ввиду того, что самодуровский приход грозил распасться, священник этого прихода Ив. Дунгриев решился на фиктивный допрос. 10-го сентября он писал Иринею, что еще 14 чел. самодуровских отступили от православия. Обескончившись этим, Ириней писал в Самодуровку для увещания отпавших священника-миссионера Иерихонского. Убедившись в бесплодности своих увещаний, Иерихонский, совместно с заседателем земского суда Сукинцевым, приступил к следствию. Обвиняемые заявили, что в «православие» никогда не переходили и подписки в том никакой не давали. Духовенство представило их подпиську, но она оказалась подписью одним лицом за безграмотностью обвиняемых, а подписавший объяснил, что он был при подписании пьян и подписал поеждан, что поименованные в подписке поморцы согласны принять православие. Уголовная палата оправдала обвиняемых, а подписавшиеся за них кр. Егорова оштрафовала на 10 руб., церковный же притч (аз неправильное показание) предоставила суду консистории **).

Священник Иерихонский, кому поручено было увещевать самодуровских поморцев, после нескольких попыток, рапортовал епископу Моисею (заменившему Иринея), что самодуровские крестьяне «совсем сорвались с пути истины». Главными виновниками своей неудачи он считал вольского городского голову поморца Ивана Ефимова и исправителя треб в Самодуровке Афанасия Сычева. Получив допесение об этом, губернское правление потребовало от палаты уголовного суда копию с ея определения по делу о совращении в раскол поморской секты крестьян разных сел и деревень Хвалынского уезда в 1827 году. Справка эта показала, что следствие производилось о 1570 душ. муж. и 1603 душ. женщин, сорвавшихся в секты «раскольническую и поморскую». Из этого количества обратилось к «православию» только 84 мужч. и 78 женщин. Обвиняемые показали, что они перешли в «раскол» добровольно. Названные сорвателями лица, в том числе старообрядческий священник Михаил Иванов, оказались невиновны. Из этого «дела» уездный суд увидел, что «раскол» сильно развивается в Хвалынском уезде, так что в Самодуровке почти все поступили и состоят в поморской секте». Наставник Сычев, опрошенный по этому делу, заявил, что ему теперь 60 лет, читать умеет. писать—нет. Лет 9 назад, «по благословению приходивших в г. Саратов секты нашей неизвестных ему монахов, принял отеческое наименование. Затем, ввиду отказа духовенства венчать рас-

*) Дело г.и.и.ода 1824 г. № 764.

**) Дело Хвалынского магистрата 1829 г. № 6.

тольнические брахи без предварительного принятия православия, он стал венчать своих односектантов и совершать у них другие требы: явного богослужения не производил, в секту свою никого не сворачал. Браки Сычев совершил в моленной, остальные требы—в своей келье. (Прощенные свидетели подтвердили показание Сычева, почему палата признала нужным его освободить *).^{*}

Ничего не мог поделать с упорными самодуровскими «раскольниками» и епископ Иаков, сменивший Моисея. Со свойственным ему замалчиванием истинного положения дела, он в 1838 г. сообща синоду, что совратившихся в поморство самодуровских крестьян он сам увершевал в бытность в этом селении и что его увершование произвело на совратившихся благоприятное впечатление (?) Приходскому священнику им поручено заняться обращением заблудившихся **).

Однако, миссионер Дьяконов, пробовавший свои силы на обращении самодуровских поморцев, доносил, что несмотря на все его старания самодуровцы «в разум истины еще не пришли».

Синод очень заинтересовался ходом дела по обращении самодуровских поморцев, почему от 2-го сентября 1838 г. и предписал Иакову ежегодно доносить об успехах увершования. Иаков медлил, ожидая благоприятных результатов. Наконец, 18-го ноября он вынужден был сообщить, что увершания самодуровцев остаются безуспешными, да и наезды на обращение их в православие не предвидятся **~*).

В июне Иаков снова посетил Самодуровку и тоже с целью увершания. Потерпев неудачу и на сей раз, он доносил синоду об этом в таких выражениях:

— «Прилагал всевозможные старания к вразумлению утонающих в невежестве раскольников, но они, опираясь на то, что имеют свои молитвенные храмы, остались непреклонными».

В целях более успешной борьбы с заблуждением поморцев, Иаков проектировал следующую меру: «В Самодуровке уничтожить молитвенные храмы, воспретить публичные сборища поморцев на молитву и сечь в отдаленные места главных лжеучителей и наставников их».

Из документов не видно: применил ли синод к самодурским поморцам проектируемые Иаковом мероприятия, или предоставил все времени и естественному ходу событий: несомненно одно, что ни качественно, ни количественно поморцы не пострадали. Как протекала в дальнейшем жизнь самодуровцев тоже неизвестно: документы об этом не говорят ***~*).

Документальные сведения о поморцах в других уездах страдают тем же недостатком—отсутствием полноты и хронологической последовательности. Это в большинстве отрывочные данные о случайных правительственные мероприятиях, или допосах духовенства, и составить по ним что-нибудь последовательное, целостное не представляется возмож-

* Дело Хвал уездн. суда 1830 г. № 129.

**) Дело синода 1824 г. № 764

**~*) Там же, л.л. 300—301.

***~*) К истории поморского согласия в с. Самодуровке и ее окрестностях имеется на месте у кого-то таринная рукопись с подробным перечнем настоятелей и главных поморских деятелей (Изд.).

нем. Бывшем Сердобский уезд. Здесь, известны всего лишь три случая, которые чуть-чуть открывают завесу, скрывающую внутреннюю жизнь поморцев, и это на протяжении почти 70-ти лет. Вот эти несложные свидетельства: 10-го апреля 1817 г. епископом испанским Афанасий писал князю А. И. Голицыну, что петровское духовное правление сообщило ему о совершении в деревнях Сердобского уезда—Миткире, Грязнухе, Сюверне и Маче, имении графа Апраксина, всего в количестве 927 душ в раскол. Находя это делом серьезным, князь Голицын сообщил об этом синоду: последний постановил: снести с спб. генерал-губернатором, для принятия соответствующих мер. Генерал-губернатор сообщил князю Голицыну рапорт саратовского губернатора Панчулидзе от 18 февраля 1818 г. По дознанию исправника оказалось, что совершение совершилось не вдруг, а подготовляясь издавна. Панчулидзе особенно подчеркнул это и обвинил во всем духовенство, причем настаивал, что для обращения 927 душ на путь истины необходимо не насилие совести, а посыпка к ним священников, которые действовали бы кроткими христианскими внушениями. Спод согласился с Панчулидзе и поставил Афанасию на вид, что духовенство небрежло своими обязанностями и поздно донесло, а потому необходимо назначить кротких священников, благонравных и искусных *).

Иногда обвиляемые в уклонении в «раскол» давали о себе письменные обяснения, что они сознательно и добровольно оставляют «православие». Такое письменное заверение было дано поморцами с. Речевки Сердобского уезда, 7-го декабря 1827 г. в ответ на увещание благочинного Максима Антонова: «Мы—истинные христиане,—писали они,—ибо веруем во Христа искренне, но священников ваших не приемлем, потому что они поставляются неправильно и бывают развратные, а посему они, по нашему мнению, суть не попы, да и церковь ваша, по многим в ней переменам, есть еретическая, ибо лучше жить без жены, нежели браться в церкви от ваших попов, притом же истинный наш крест, которым мы полагаем на себе крестное знамение, мы проклипаем. Церковь мы имеем на небеси и в самих себе; священник наш ни в чем потворства не делал, а мы сами знаем свою веру и ограждаем себя всегда Исусовой молитвой; учителей у нас особых, кроме своих грамотных, не бывает, следовательно, пгч сообщаться с вами и ходить в церковь вашу весьма грешно и даже непростительно. Вот наши самые справедливые и истинные показания, от которых мы никогда не отступим, и обратиться в вашу веру не желаем, в чем и подпишемся».

Рассмотрев дело, уголовная палата произнесла над обвиляемыми сурговый приговор, по которому двоих наставников—Федора Степанова и Михаила Филиппова решено подвергнуть наказанию плетьми (по 10 ударов) и ссылке в Сибирь на поселение, а 8 ч. 1.—на увещание в консисторию. Но комитет министров от 20 января 1831 г. отменил этот драконовский приговор, определив освободить обвиляемых с одним предупреждением, и только одни Васильеву, 56 лет, за нарушение данной ею подчи-

* Дело синода 1817 г. № 503.

ски перейти в православие, решено сослать в Сибирь на поселение, однако, с отменой 5 ударов плетью, как это присудила было уголовная палата *).

Этим почти и кончаются официальные сведения о поморцах по Сердобскому уезду, если не считать просьбу крестьян дер. Мокшан, воданную ими саратовскому губернатору, о разрешении обратить в членную жилую строение их односельчанина Ушакова. По полицейской дознанию оказалось, что из числа 386 душ населения этой деревни «православных» всего 155 душ, остальные старообрядцы-поморцы, почему и храма «православного» нет в деревне. Исправник считал разрешение опасным для «православия», почему и губернатор, разделяя взгляд исправника, отказал в ходатайстве поморцев **).

Ни исправник, ни губернатор не имели права, в сущности, отказывать в этом вполне законном ходатайстве мокшанских поморцев, потому что закон 3-го мая 1883 г. определенно устанавливал, что старообрядцам разрешается устраивать молельни «как в жилых домах, так и в особо предназначенных для сего зданиях».

Не больше, если не меньше, других уездов богат сведениями по истории поморства и Кузнецкий уезд. Все они врашаются вокруг 2—3 судебных дел, возникавших часто по самым маловажным причинам. В самом Кузнецке поморство—недавнее явление, едва ли насчитывающее 60 лет своего существования. Родоначальниками поморства здесь считаются двое лиц—кузнецкие чешане—Соломенов и Дыдин. Начитавшись старинных книг и особенно Кирилловой, они решили, что можно легко обойтись без священства. Убедившись в этом, они начали ревностно проповедывать свое учение и так энергично проводили его, что через два года их проповети, т. е. в 1862 г., весь город знал о них. Они с книгами в руках ходили по домам жителей и бесстрашно проповедовали, что «в церкви греко-российской царит антихрист, священство погибло, всюду ересь и что все, именующие себя христианами, но не исповедующие поморства,—не христиане, потому что крещены в ереси, а еретическое крещение не есть крещение, по наче осквернение». Проповедники поморского учения шли из явную опасность, шли стойко, сознательно, не задумываясь о последствиях; шли открыто, прямо «не обинуясь», и эта проповедь невольно убеждала, покаряла. В этом экстазе проповедников и нужно искать успех поморства, его распространение и стойкость. Проповедь эта была так понятна простому народу, так сродни его пониманию, что раз он принял это учение, то становился убежденным его проповедником, не смотря ни на уверения, ни на угрозы. Отсюда становится понятным то явление, почему на увещании миссионеров так мало было случаев обращения. Как иллюстрацию, можно привести здесь переживания одного из таких проповедников, описанное им самим:

— «Начал я,—говорит он,—проповедь, не боясь никого. Придешь бывало к кому в дом, где сидят за работой. Поздоровавшись с хозяевами, ни слова не говоря, начнешь им доказывать, что они погибли,

*) Дело Сердобского уездного суда 1828 г. № 161

**) Дело губ. правл. 1885 г. № 115.

кто пытаются не истинным хлебом учения Господня, а ядом антихриста, не имеют даже крещения. Часто бывало выгоняли меня и были, и же не уывал, принимая все ради Господа».

Не всегда, однако, все обстояло благополучно и в поморстве. Нередко случалось, что и среди них самих происходили несогласия. Так в 70-х годах, если верить «Саратовским Губернским Ведомостям», среди поморцев вышло разногласие и даже разделение из-за молитвы Иисусовой. Одна сторона держалась убеждения, что крестное знамение нужно совершать на себе с таким расположением молитвы: Воздая персты на чело, нужно говорить «Госпоzi»; низводя руку на живот, говорить «Иисусе Христе»; кладя руку на правое плечо — «Сыне Божий: на левое — «помилуй нас». Другие видели в этом новищество, ересь — разделение естеств во Христе. Стороны разобщились друг от друга то того, что не имели между собою общения »).

В Петровске основателем поморства был мещанин Коновалов, который, живя в бедности, искал заработка на стороне. Скитаясь по сторонам, он встретился с последователями поморства и стал упорным последователем этого согласия. Возвратившись на родину, он не остался пассивным последователем нового учения, но стал деятельно и энергично его проповедывать. Сначала малочисленная община собиралась на молитву тайно, по домам, а потом, увеличившись количественно и освоившись с положением, стали собираться открыто, в специально устроенной молельне, вблизи «православного» монастыря **).

Судя по отчетам «православного» братства св. креста за 1876 г. поморство распространилось и по Петровскому уезду; по крайней мере это можно сказать о селе Верхозиме, где поморство есть в обоих своих разветвлениях ***).

Переходя обзором па низовье Волги, мы видим, что и здесь поморство осело довольно густо. Возьмем посад Дубовку. Населенная в 1722 г. разными выходцами, как из внутренних губерний, так и из соседнего Тихого Дона, Дубовка изобиловала и различными религиозными группами, среди коих видное место занимали поморцы, которые, благодаря своей пропаганде, создали себе прочное положение среди других согласий старообрядчества.

Рассматривая поморство в Саратовском крае, приходится коснуться частью и Самарской губернии, потому что до 50-х годов прошлого столетия значительная часть этой губ. принадлежала Саратовскому краю. Здесь, в с. Теликовке, Николаевского уезда, в 1836 г. об'явилась новая секта, названная «московской» или «чистой».

Исполнителями треб этих сектантов были приезжавшие из Самодурки наставники. В последствии выяснилось, что это никто иные, как поморцы, с тою лишь разницею, что престарелые поморцы не сообщались ни в пище, ни в питье, ни в молитве с молодыми. На исповедь они часто ездили в Саратов к наставникам Афанасию Антонову и Гавриле Васильеву. Некоторые старожилы считают, что поморство в Тели-

*) Сарат. Епарх. Ведом. 1870 г. № 10.

**) Дело дух. комитет. 1876 г. № 970, л. 200.

***) Отчет братства св. креста 1876 г., стр. 39.

ковке возникло в 1820 г. *). Известно, что в Николаевском уезде, в Алексеевском лесу у поморцев был особый скит, который существовал до 40-х годов прошлого столетия **). С того примерно времени известно существование поморцев и в соседнем уезде Новоузенском ***).

Нередко в глухи лесной то тут, то там возникали скиты и одиночные кельи отшельников, которые, таясь мира, уходили в пустынные места, «взыскую града небесного»; о них мало известно, и только память глубоких старцев сохранила о них воспоминание, как о рассадниках древнего благочестия и иеноколебимой веры.

* * *

Заключение.

Отсутствие соответствующего материала препятствует исследованию религиозно-бытовой жизни поморцев в некоторых уездах Саратовского края, хотя несомненно, что они существовали и существуют во всех их и притом в гораздо большем количестве, чем это известно официальной статистике. Причина, почему о них не говорят архивные документы судебных и административных учреждений, заключается, по нашему мнению, в том, что или жители данных мест исполняли свои религиозные обязанности весьма осторожно, не вызывая подозрения властей: или среди них не было выдающихся деятелей, которые бы открыто проповедывали их учение: или же, наконец, местные власти были благожелательно настроены к старообрядцам и поэтому не давали огласки возникавшим подозрениям. Единственно, что могло бы оказать содействие исследователю—это **собирание исторического материала на местах, среди самих поморцев**, и особенно старожилов, что дало бы возможность более рельефно обрисовать последующую жизнь поморства в его эволюции, особенно в годы религиозных свобод. Во всяком случае это—очередная задача, осуществить которую должно помочь само поморство. Без этого коллективного содействия невозможно более или менее точное решение данного вопроса, который является частью более обширной работы—истории поморского согласия в России ****).

Инв. №

Отд. I

Ф. БИБЛИСТЕКА

Сост. 1837 г. № 55 Гос. Ук-Гз

*) Дело канцелярии губернатора 1837 г. № 55 Гос. Ук-Гз

**) Рукопись Сарат. дух. семинар. № 2

***) Там же, л. 270.

****) Продолжение настоящего труда уже начато и ведется Д. Ашо-
хиным под наименованием „Саратовские поморцы во второй половине
XIX в.“. Названная работа предполагается в печати в издании В. З.
Яксанова в скором времени.

ИЗДАТЕЛЬСТВО В. З. ЯКСАНОВА.

Саратов, улица Республики, № 7 (бывш. Немецкая).

1. Уголовный кодекс Р. С. Ф. С. Р. с алфавитным указателем, новыми исправлениями и разъяснениями (1923 год). Цена 25 к. зол.
2. Земельный кодекс Р. С. Ф. С. Р. с алф. предм. указателем, составленным *В. Н. Замятниным* (1923 г.) 20 коп.
3. Профессор *Н. Н. Фиолетов*—Церковь и Государство по советскому праву (1923 г.). 50 коп.
4. *Его же*. Союз советских социалистических республик, автономных республик и областей. 25 коп.
5. Проф. *Б. М. Соколов*—В преддверии символизма (курс лекций по истории новейшей художественной литературы) 50 коп.
6. *А. Е. Галкин*—Венчальные ризы (стихи) 1918 г. . 20 коп.
7. *Его же*. Полевое шестопсалмие (1922 г.) 10 коп.

Детские книги (в красках).

8. Бабушка и козлик (1922 г.) 20 коп.
9. Хитрая лисица (1922 г.) 20 коп.
10. Красная шапочка (1923 г.) 20 коп.
11. Басни Крылова вып. I (1923 г.) 20 коп.
12. Басни Крылова вып. II (1923 г.) 20 коп.

Издания по старообрядчеству.

13. *С. Быстров*.—Поморское согласие в Саратовском крае 20 коп.
14. *В. Яксанов*.—Старообрядческие духовные стихи готовится 5-е издание 30 коп.

Имеются в ограниченном количестве издания прежние (до 1919 г.).
